

Записки начинающего Тения

Елена Корф

План на ночь:

1. Написать шедевр
2. Спасти мир
3. Не уснуть

✓ Кофе! ☕

ВДОХНОВЕНИЕ
НЕ БЕСПОКОИТЬ
(СПИТ)

ИДЕИ
В ХОЛОДЕ
НЕ ПОРЯТСЯ

Тениально
(когда-нибудь
потом)

О ВДОХНОВЕНИИ
(И ЕГО КАПРИЗАХ)

ЖИЗНЬ ПИСАТЕЛЯ:
ИНСТРУКЦИЯ
ПО ВЫЖИВАНИЮ

СЛОВА, КОТОРЫЕ
НЕ ХОТЕЛИ
ПОЛУЧАТЬСЯ

Тениальные идеи
приходят внезапно.
Обычно в 2:17 ночи,
в пижаме, с котом
на коленях и мыслью:
«А может, чай
попить?»

Писатель — это человек,
который делает вид,
что работает,
пока муза делает вид,
что приходит.

Диалоги

- Кто здесь?
- Муза.
- А почему так поздно?
- Пробки на небесах.

ТОПЛИВО
ГЕНИЯ

Елена Корф

Записки начинающего гения

«Автор»

2026

Корф Е.

Записки начинающего гения / Е. Корф — «Автор», 2026

«Записки начинающего гения» — ироничный мини-цикл о писательской жизни без прикрас, но с любовью. Здесь Муза приходит исключительно по ночам, персонажи устраивают забастовки, дедлайн подкрадывается с выражением хищника, а холодильник ведёт себя как главный соперник творческого процесса. Идеи рождаются в метро, в душе, на прогулке, у ананасов в магазине — словом, везде, кроме того места, где автор специально сел писать. Это книга о сомнениях, вдохновении, внутренних редакторах, неработающих планах, чистой кухне, кофе и странном счастье создавать истории. С мягкой самоиронией и тёплым юмором автор рассказывает о том, что знакомо каждому, кто хоть раз пытался превратить мысль в текст: о страхе чистого листа, радости удачной фразы, усталости, творческом хаосе и упрямом желании продолжать. Для начинающих авторов, опытных писателей и всех, кто подозревает, что внутри него тоже живёт человек, которому однажды просто необходимо сесть и написать первую строку.

© Корф Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Записки начинающего гения	5
Мини-цикл ироничных автоисторий	5
История первая. Когда во мне проснулся Толстой	6
История вторая. Осень, которая всё изменила	7
История третья. ЛибидИ и картоЖка	8
История четвёртая. Ответ на вечный вопрос	10
История пятая. Когда тексты начали приходить сами	11
История шестая. Как появился первый критик	13
История седьмая. Внутренний Редактор	15
Сцена первая. Ночной шёпот ужаса	16
Сцена вторая. Три формы существования	17
1. Мелочный придирист	18
2. Драматический критик	19
3. Апокалиптический пророк	20
Сцена третья. Попытка переговоров	21
Сцена четвёртая. Великая схватка	22
Сцена пятая. Примирение	23
История восьмая. Муза на колёсах	24
Автобус	25
Поезд	26
Самолёт	27
Машина	28
Открытие	29
История девятая. Между станциями	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Елена Корф
Записки начинающего гения

Записки начинающего гения

Мини-цикл ироничных автоисторий

История первая. Когда во мне проснулся Толстой

Если бы кто-нибудь сказал мне, что писателем я стала ещё в четвёртом классе, я бы ответила:

— А что, вполне возможно. Толстой ведь тоже когда-то ходил в школу.

И всё началось, разумеется, с сочинения «Как я провёл лето».

В те времена школа длилась десять лет, а мы, нынешние пятиклассники, гордо назывались четвероклассниками. Именно в четвёртом классе у нас впервые появились отдельные учителя по разным предметам.

Судьба подарила нам учительницу русского языка и литературы — даму такой строгости, что даже воздушные шары, казалось, сдувались при её появлении.

Она категорически запрещала шариковые ручки.

Перьевые — да.

Чернила — пожалуйста.

Но попробуй только принести шариковую — и твой дневник покрывался красными чернилами, превращаясь в настоящую картину маслом.

Каждое сентябрьское возвращение в школу сопровождалось заданием, знакомым каждому школьнику:

«Написать сочинение на тему “Как я провёл лето”».

Кто любил это задание?

Я — нет.

Но в тот судьбоносный год вдохновения во мне оказалось столько, что я исписала пять страниц тетради в широкую линейку.

Пять страниц!

Можно сказать, в этот день во мне проснулся маленький Лев Толстой — в миниатюре, но очень амбициозный.

Тем более что было о чём писать.

Тем летом мы отдыхали на берегу Каспия и увидели запуск чего-то космического с Байконура — то ли ракеты, то ли спутника, то ли привидения инженерной мысли.

Зрелище было могучее, огненное, в полнеба.

Я написала пять вдохновенных страниц, наполненных каспийскими берегами, космическими кораблями, философией и, вероятно, непомерной авторской самоуверенностью.

Окрылённая, я принесла черновик маме.

Но мама вместо восхищённого «Ах!» выдала экспертное мнение, от которого моё эго сделало сальто назад без страховки:

— Ты что, Толстой? Одно предложение на полстраницы! Пиши коротко. Пиши просто. Пиши человеческим языком.

Так я лишилась своей первой пятистраничной «Войны и мира».

Пришлось переписывать.

Кратко. Уныло. Без «от Бога залитого небесами каспийского горизонта».

Учительнице понравилось.

Мне — нет.

Первый урок был усвоен:

не писать, как Толстой.

Так во мне родился внутренний писатель.

И немедленно был воспитан внутренним редактором.

История вторая. Осень, которая всё изменила

Следующее сочинение было про осень.

Я решила писать коротко, просто и без всяких там Байконуров.

Писать не хотелось: память о литературной трагедии была слишком свежей.

Но вдруг перед глазами возник осенний пейзаж — жёлтый, тихий, прозрачный.

Я написала небольшое, но очень душевное сочинение.

Папа проверил и сказал, что всё хорошо. По понятным причинам к маме я уже не пошла.

В школе оценки оглашали торжественно, как приговоры суда.

Мою назвали последней.

Пять.

А потом учительница прочитала мой текст вслух перед всем классом:

— Вот так нужно писать.

Я едва не растаяла на месте.

Так родилась моя вера в то, что с сочинениями у меня всё-таки что-то да получается.

Класс слушал молча, но я уверена: несколько человек в это время тайно клялись отныне и навсегда писать «именно так».

А я в тот день впервые подумала:

«Хм. Кажется, это у меня получается».

Иногда писателю достаточно одной пятёрки, одного прочитанного вслух сочинения и нескольких минут чужого внимания, чтобы поверить в себя на долгие годы.

История третья. ЛибидИ и картоЖка

С литературой у меня всегда было «отлично», а вот с русским языком...
Мой русский язык одно время находился в тяжёлых отношениях с орфографией.
Именно поэтому я получила знаменитую двойку за диктант, а папа — вдохновение написать стишок:

Мы кАрмили ЛИБИдеЙ

Жареной картоЖкой,

Гладили ладоЖками

Белые рубаЖки.

Я попыталась обидеться, но было слишком смешно.

Да и стишок получился приличным.

Смеялась вся семья.

Я — тоже, хотя и чуть-чуть плакала внутри.

Но запоминалось великолепно.

С русским языком у меня были не роман, не дружба и даже не нейтральное сосуществование.

Это были боевые действия.

Русский язык атаковал падежами.

Я оборонялась интуицией.

Особенно трудным был творительный падеж.

Почему-то мой мозг решал, что если слово звучит красиво, значит, оно уже написано правильно.

Однажды я попыталась сказать:

— Мы любовАлись солнцем, которое садится за горизонт...

И услышала тихий всхлип филолога где-то в параллельной вселенной.

Русский язык — как кот:

если гладить правильно — мурлычет;

если неправильно — поцарапает, но без злобы.

Просто чтобы жизнь казалась насыщенной.

Спасало меня только одно: я очень много читала, а фотографическая память фиксировала правильное написание слов быстрее, чем я успевала сделать ошибку.

Мне даже начало казаться, что ошибаться не так уж плохо.

Вдруг кто-нибудь напишет о тебе поэму?

Годы шли.

Я выросла, стала опытнее, и теперь в моём распоряжении появился ангел-хранитель — встроенная в ноутбук автокоррекция.

Ангел электронный.

Компьютер не сердится, не вздыхает, не сравнивает тебя с Толстым и не смотрит обвиняюще, когда ты забываешь мягкий знак.

Он просто подчёркивает ошибку красным — так, чтобы тебе стало стыдно, но без личных трагедий.

Он идеален.

Если бы мои школьные сочинения увидела автокоррекция, она бы просто тихо умерла.

Но, к счастью, она появилась позже — когда у меня уже были крепкая психика, папины стихи и опыт переписывания «Войны и мира» в тетрадке в широкую линейку.

История четвёртая. Ответ на вечный вопрос

Когда меня спрашивают:

— Ты сама всё это пишешь?

я неизменно отвечаю:

— Да, сама.

Будто признаюсь в тайном умении жонглировать слонами.

Потому что это действительно мои тексты — авторские, самостоятельные и иногда даже непослушные.

Хотя порой мне хочется сказать:

— Нет. У меня есть тайный штат маленьких гномов-литераторов. Они живут в ящике стола, едят мятные конфеты и по вечерам спорят, писать ли слово «сочинительство» через одну «н» или через две.

Но честность — лучшая стратегия.

Да, пишу сама.

А гномы...

Возможно, они тоже существуют.

Просто очень скромные.

Путь к этому признанию оказался долгим, забавным и временами слегка унижительным. В общем, классическим.

Оглядываясь назад, я вижу целую дорожку знаков:

— взрывное детское вдохновение;

— космические ракеты;

— осенние пейзажи;

— стишки про ЛИБИдей;

— встроенный компьютерный придирчивый мозг.

И всё это, кажется, плавно, шутя и совершенно нелинейным путём привело к тому, что однажды я просто села и начала писать.

Наконец так, как хочу.

Как слышу.

Как чувствую.

Да, я сама всё это пишу.

Но, если однажды текст получится особенно удачным, я всё-таки проверю второй ящик стола. Вдруг гномы перестали скромничать.

История пятая. Когда тексты начали приходить сами

С годами произошло удивительное.
Тексты начали приходить сами.
Без приглашения, как хорошие друзья.
Идёшь по улице — они шепчутся.
Уезжаешь в отпуск — они, как чемоданы, упаковываются вместе с тобой.
Пьёшь чай — они сидят напротив, поглядывают и явно ожидают, что ты сейчас схватишь блокнот.

Иногда я думаю, что мои тексты — живые существа:
звонкие, шумные, с характерами, капризами и непрошеными идеями.
В средних классах мне часто говорили:
— Ты пишешь слишком красиво!
Сказано это было так, будто речь шла о страшном грехе.
Я бы не удивилась, если бы однажды услышала:
— Немедленно перепишите! В тексте обнаружена подозрительная метафора!
Однажды я написала в сочинении: «Осень расчёсывала деревья ветром».
Фраза вызвала у учительницы нервное движение бровей.
— Ничего она не расчёсывала.
— Но ветер же...
— Это слишком художественно!
То был первый в моей жизни конфликт между искусством и методичкой.
Победила методичка.
Но осень, уверена, была на моей стороне.
Сочинения по литературе были событиями государственного масштаба.
Нам нужно было не просто знать содержание произведения — это было бы слишком легко.

Требовалось прочувствовать «внутренний смысл».
Как-то раз меня спросили:
— Что хотел сказать автор?
Я честно ответила:
— Думаю, он хотел сказать ровно то, что сказал.
Учительница посмотрела на меня так, будто я лично рушила устои школьной литературы.
Позже я поняла: если автор хотел сказать что-то другое, он бы, наверное, так и написал.
Писатели ведь существа прямолинейные.
Особенно когда хотят быть непонятными.
Где-то во Вселенной должен существовать музей писателей: комнаты, заваленные чайными чашками, печеньем, исписанными салфетками и философскими размышлениями на полях.

У меня такой музей есть дома.
Называется — второй ящик стола.

Там живут:

— двенадцать незаконченных романов;

— восемь прекрасных идей, забытых ровно через сутки;

— три фрагмента текста, смысл которых я не могу понять даже под угрозой расстрела;

— и один записанный ночью шедевр, начинающийся словами:

«Если бы ворона знала, что она не чайка...»

И каждый раз я обещаю себе разобрать это богатство.

Но не сегодня.

Вдохновение, знаете ли, не любит уборку.

Наверное, именно тогда я окончательно поняла: тексты не ждут, пока их пригласят. Они сами находят автора, поселяются в его голове, занимают второй ящик стола и ведут себя так, будто всегда там жили.

И если когда-нибудь кто-нибудь спросит:

— Как ты стала писателем?

я отвечу:

— Я не стала. Это тексты меня нашли.

Продолжаю с новой композицией. Здесь я разделила прежнюю шестую историю на две самостоятельные главы, а большой транспортный блок — на две: общую историю о дороге и отдельный текст о метро.

История шестая. Как появился первый критик

Первый настоящий критик появился у меня в тот момент, когда я совершенно этого не ожидала.

Я написала рассказ.

Гордая.

Уверенная.

Палящая.

И показала его подруге.

Подруга прочла, нахмурилась и спросила:

— Слушай... А почему твой герой весь текст идёт, а в конце вдруг стоит?

Это был вопрос, от которого зависело существование целой вселенной.

Я перечитала рассказ.

И поняла: герой и правда всё время куда-то шёл, но в последних абзацах внезапно остановился.

Без предупреждения.

Без причины.

Будто автор забыла его посреди сцены и ушла пить чай.

Физика художественного пространства рухнула.

Я исправила, конечно.

Но с тех пор знаю:

если герой шёл, он должен куда-нибудь прийти.

А если остановился — нужно хотя бы объяснить, что именно заставило его замереть.

Литература — штука коварная.

Она постоянно спрашивает:

«А ты точно умеешь?»

И очень важно однажды ответить:

«Да, умею. А даже если пока не умею — всё равно буду».

Через некоторое время, закончив очередной текст, я вдруг подумала:

«А впрочем... неплохо получилось».

Это было маленькое чудо.

Без оваций.

Без фанфар.

Без восторженной толпы у дверей.

Просто тихое, спокойное:

«Получается».

С того дня тексты потекли легче.

Не всегда послушно.

Не всегда ровно.

Но свободнее.

Иногда они получались сказочными.

Иногда — шальными.

Иногда — смешными.

Главное — они появлялись.

А первый критик остался в моей памяти не как человек, который нашёл ошибку, а как человек, который помог мне впервые увидеть текст со стороны.

И это, пожалуй, важнее похвалы.

История седьмая. Внутренний Редактор

Если бы каждый писатель честно описал своё творческое состояние, внутри его души обнаружили бы:

— один романтик;

— один философ;

— один лентяй;

— одна Муза;

— несколько непослушных персонажей;

— и обязательно Внутренний Редактор.

Существо древнее, шумное и крайне недружелюбное.

Если вдохновение — ангел, то Внутренний Редактор — его сварливая тётушка, которая уверена, что ангел всё делает неправильно.

Сцена первая. Ночной шёпот ужаса

Казалось бы, тихий вечер.

Я пишу вдохновенно, уверенно и даже, возможно, талантливо.

И вдруг из темноты раздаётся голос:

— Ты уверена?

Я вздрагиваю.

— В чём?

— Во всём.

— Это ты?

— Да. Внутренний Редактор. Представь меня как старшего по творческому подъезду.

— Что тебе нужно?

— Прочитать всё и разнести в клочья.

И прежде чем я успеваю закрыть документ, он уже начинает бубнить:

— Повтори первую строку.

Я читаю.

Он фыркает:

— Зачем так пафосно? Ты что, Толстой?

— Но это красивое вступление!

— Красивое — да. Уместное? Вот это уже вопрос.

Понимаете?

Первая строка ещё тёплая, а он уже недоволен.

Сцена вторая. Три формы существования

У Внутреннего Редактора есть три основные формы.

1. Мелочный придирист

Он сидит на плече и комментирует каждую букву:

— Ты уверена в этой запятой?

— Это слово слишком длинное.

— Это предложение слишком короткое.

— Здесь скучно.

— А здесь слишком оригинально. Тебе что, жить надоело?

2. Драматический критик

Этот устраивает монологи:

— Послушай. Я видел тексты получше. Я видел миллионы текстов. А то, что ты сейчас пишешь, — не текст. Это литературная имитация. И, между прочим, весьма посредственная.

Посредственная.

Это слово он любит почти так же сильно, как я кофе.

3. Апокалиптический пророк

Самый страшный.

Он появляется именно тогда, когда вдохновение наконец набирает силу:

— Ты решила писать? Интересно. А представляешь, если всё это ужасно? Представляешь, если все засмеются? Представляешь, если ты вообще не писатель?

Я пытаюсь сопротивляться:

— Я писатель!

Он смотрит на меня с жалостью:

— Ах, какое милое заблуждение. Но ладно. Живи пока так.

Сцена третья. Попытка переговоров

Я говорю:

— Послушай, ты мне нужен. Но не сейчас.

Редактор отвечает:

— Я всегда нужен. Я — суть порядка.

— Дай мне хотя бы написать первую версию.

— Первую версию? Я уже видел этот хаос.

— Это черновик!

— Это черновище. Оно нарушает порядок Вселенной.

Мы разговариваем так, будто я пытаюсь убедить таможенника пропустить через границу чемодан, набитый метафорами без декларации.

Но Внутренний Редактор верит только в красную ручку.

Сцена четвёртая. Великая схватка

Рано или поздно я поднимаюсь во весь рост — внутренний, разумеется — и говорю:
— Так. Я сейчас буду писать.

Внутренний Редактор презрительно хмыкает:

— Попробуй.

Я печатаю строку.

Он вздыхает.

Я печатаю абзац.

Он стонет.

Я дописываю сцену.

Он закатывает глаза так громко, что это почти слышно.

И вот в один прекрасный момент, когда отдельные фразы начинают превращаться в историю, Редактор вдруг замолкает.

На секунду.

На малюсенькую, почти незаметную секунду.

И я понимаю:

этот раунд я выиграла.

Он обязательно вернётся.

Обязательно всё перечитает.

Обязательно найдёт фразу, которая «никуда не годится».

Но позже.

Сейчас — моё время.

Сцена пятая. Примирение

Когда текст закончен, Редактор возвращается.
Усталый.

Сдержанный.

Почти человеческий.

— Ну что, — говорит он, — давай посмотрим, что ты там написала.

— Опять будешь ругаться?

— Разумеется. Но... возможно, не всё плохо.

В этот момент между нами устанавливается хрупкий мир.

Потому что Внутренний Редактор — не враг.

Он строгий учитель.

Да, жёсткий.

Да, тактичностью не страдает.

Да, иногда хочется посадить его в банку, плотно закрыть крышкой и закопать в огороде.

Но он нужен.

Потому что иногда действительно делает текст лучше.

Главное — не давать ему приходить раньше времени.

Сначала говорит автор.

Потом — редактор.

Иначе писать будет некому.

История восьмая. Муза на колёсах

Есть вещи, которые писатели давно перестали пытаться объяснить.

Например:

— куда деваются носки;

— почему дедлайн подкрадывается ночью;

— и почему лучшие идеи приходят именно в транспорте.

Сядешь за стол — тишина.

Откроешь ноутбук — пустота.

Поставишь чай — мозг уходит в спячку.

Но стоит войти в автобус...

И вот оно — вдохновение, прыгающее вокруг, как ребёнок на батуте.

Автобус

Писатель может три часа сидеть дома, глядя на мигающий курсор и испытывая ощущение, что мыслей в голове нет, не было и уже никогда не будет.

Но стоит выйти на остановку, как мозг включает режим:

«А давай прямо сейчас придумаем гениальный диалог».

Автобус качается.

Я пытаюсь удержать равновесие.

И именно в этот момент появляются:

— новые персонажи;

— неожиданные сцены;

— глубокие философские размышления;

— и три метафоры, которые никогда не пришли бы ко мне за письменным столом.

Вдохновение, кажется, питается вибрацией двигателя.

Поезд

Как только поезд трогается, перед глазами писателя возникают:
— дождливые платформы;

— старые чемоданы;

— люди, которые явно хранят тайны;

— и величественный сюжет, куда же без него.

Пока поезд стучит колёсами, в голове начинает стучать вдохновение:
тук-тук — идея;

тук-тук — конфликт;

тук-тук — любовная линия;

тук-тук — финал.

И всё бы прекрасно, если бы не одно «но»:

писать неудобно.

А вдохновение именно поэтому туда и приходит.

Самолёт

Стоит подняться на высоту десяти тысяч метров, как мозг решает:

«Пора работать».

Внезапно появляется ясность мысли.

А сосед слева, который мирно дремлет, превращается в прототип нового героя.

Вдохновение приходит лавиной:

— трагедия;

— кульминация;

— эмоциональный накал;

— динамичная сцена.

И всё это именно в тот момент, когда:

— ремни пристёгнуты;

— столик закрыт;

— ноутбук лежит в сумке;

— а ручка — в чемодане.

Вдохновение умеет выбирать момент.

Машина

В машине гениальные фразы приходят, когда руки заняты рулём.

Еду, никого не трогаю.

И вдруг:

«Вот она! Фраза!»

Я пытаюсь запомнить.

Фраза пытается убежать.

Светофоры пытаются сбить ритм.

А вдохновение шепчет:

— Ну давай. Попробуй запомнить меня целиком.

Спустя пять минут:

— Как там было?

— Что-то про дорогу...

— И про жизнь...

— Кажется.

— Нет. Всё пропало.

В такие минуты особенно остро понимаешь: человеческая память придумана не писателями.

Открытие

После многочисленных поездок, взлётов идей и падений от невозможности немедленно всё записать я наконец поняла:

вдохновение любит транспорт, потому что во время движения писатель перестаёт слишком стараться.

Когда тело движется, мозг освобождается.

Он перестаёт быть правильным.

Перестаёт ждать результата.

Он просто едет.

И в этот момент появляется история.

Транспорт — это Муза на колёсах.

И если писатель говорит:

«Поеду прокачусь. Может быть, родится идея»,

это вовсе не значит, что идея родится.

Скорее всего, она уже сидит рядом.

И щёлкает билетиком.

История девятая. Между станциями

Есть люди, которые в метро читают.

Есть люди, которые в метро спят.

Есть те, кто внимательно следит за своими вещами.

И те, кто так же внимательно следит за чужими.

А есть я.

Я в метро пишу.

В идеале писатель должен творить в тишине:

возвышенно, благородно, в окружении свечей, бархатных занавесок и тёплого камина.

Но мы живём не в «Анне Карениной».

Поэтому большинству из нас достаются вагон подземки, толпа пассажиров и объявление:

«Осторожно, двери закрываются».

Иногда мне кажется, что метро — лучший тренажёр писательского мастерства.

Особенно в час пик.

Если тебе удалось написать ровную строчку, стоя на одной ноге, зажатой между коляской, рюкзаком и чужим локтем, — поздравляю.

Ты готов писать даже на палубе корабля во время шторма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.